

Глава первая ПУСТОЙ ДОМ

Я не рекомендую тебе связываться с ней. У себя, в горах, ты слишком расслабился. Не обманывайся внешним видом. Быть может, она и хрупкая женщина, слабее тебя, но ее оружие — ум и воля. Ты проиграешь прежде, чем поймешь это. Потому на те жертвы, на которые готова пойти она, никогда не решится никто из мужчин.

*Из письма Скованного об Ариле,
адресованного Каму.
За год до Войны Гнева*

Служанка захлебывалась рыданиями, и Бланка Эрбет с трудом сдерживала ярость. Ей хотелось со всей силы залепить этой плаксивой дуре пощечину, так, чтобы у той зазвенело в пустой башке.

Но Бланка не стала этого делать.

Ее холодное лицо оставалось спокойным, а в темных глазах даже был намек на симпатию. Она с участием протянула служанке дорогой кружевной платок, и та, благодарно всхлипывая, стала в него сморкаться.

Пришлось подавить новую волну раздражения, отвернуться и подойти к окну.

У наследницы Язева Эрбета была прекрасная благородная осанка, длинная шея и тонкая талия. На севере ее считали красивой, бледно-рыжие, словно выгоревшие на солнце, волосы ценились, и у отца были большие планы, когда он выдавал ее замуж.

Но муж не понравился. Старше ее на тридцать два года, он интересовался лишь охотой, собаками да вином, замечая молодую жену от случая к случаю. Она была ему нужна лишь для того, чтобы произвести наследника. Проклятый шауттом аристократ гордился тем, что его род не прерывался и вел свою

историю со времен, когда еще никто и не думал, что случится Катаклизм.

Он быстро ей надоел. Наскучил. Стал отвратителен. Начал мешать. В свои восемнадцать Бланка уже знала, чего хочет от жизни. И там не было пункта — провести всю свою молодость с хмельным боровом, зевая каждый раз, когда он кичится своими давно сдохшими предками. Что бы там ни думал отец на этот счет.

И если сперва она колебалась, то после того, как супруг избил ее до такой степени, что лекарь лишь развел руками и сказал, что у нее не может быть детей, девушка отбросила сомнения.

Надо было действовать, пока дражайший муженек не понял, что она бесполезна для него.

Бланка была из Эрбетов. Кровь от крови. Достаточно умна, решительна и жестока, чтобы править, а не подчиняться какому-то убожеству. Она все сделала так, как хотела. План сработал идеально, все расставленные приманки были съедены, капкан захлопнулся, и его милость драгоценный супруг сдох, заколотый кинжалом прямо во время пира. По итогам расследования тогда казнили шестерых участников «заговора». Никто не подумал на скорбящую вдову.

Даже отец.

Только Рин понял. Он всегда был умнее ее. Даже несмотря на то, что Бланка училась в Каренском университете, а Ринстер — нет.

А теперь брат мертв. Как и двое других. Как и отец, которого она, видят Шестеро, уважала.

Дом ее детства был пуст. И Бланка не могла поверить в это.

— Это очень важно, Анна, — сказала женщина, отходя от занавесок. — Вспомни.

— Было так страшно, госпожа, — опять всхлипнула служанка. — Столько крови. Он их всех уби-и-и...

Снова начались рыдания. Бланка осторожно забрала изгвазданный платок из слабых пальцев, мягко улыбнулась и с размаху залепила звонкую оплеуху, чувствуя несказанное удовлетворение от того, сколь потрясенными стали глаза у служанки.

Та явно этого не ожидала от всегда сдержанной дочери Язева Эрбета. Но рыдать она наконец-то перестала. Лишь смотрела на госпожу круглыми глазами и шмыгала покрасневшим носом.

— Соберись! Ты единственная, кто видела его и осталась жива! Об этом твердят все от кухни и до конюшни. Мне. Надо. Знать!

Ее резкий голос пролетел по комнате, точно летучая мышь, отразился от потолка, зазвенел в ушах.

— Я почти ничего не видела, госпожа. Накрывала на стол. Пришел начальник охраны Давек, сказал, что старого господина хочет видеть человек. Потом я ушла и вернулась, когда уже все началось. Он был в обеденном зале и потом сразу на балконе, вон там. За секунду. И люди закричали. А затем господин Кельг взял свой топор, и такое завертелось! Страсть как ужасно! Я испугалась и убежала. Все убежали. Никто его не остановил. Даже Невек, а вы ведь помните, какой он был сильный и храбрый!

Бланка тяжело вздохнула:

— Ты хочешь убедить меня, что это сотворил один человек? И он в одиночку убил всех мужчин? Кельга, способного поднять лошадь, Невека, обучавшего многих воинов?

— Я больше никого не видела, госпожа. Только одного! Он сам шаутт! Демон с той стороны!

Надо думать, что дуреха от страха не увидела бы и целую армию, если бы та забралась к ней в постель. Бесполезная трагедия времени.

— Ты помнишь его имя?

Анна покачала головой.

— Как он выглядел?

— Красивый. Ай! — Служанка вскрикнула, когда получила еще одну пощечину.

— Соберись! «Красивый» мне ничем не поможет! Высокий? Низкий? Какого цвета волосы? Откуда он?

— Высокий, краси... — Она осеклась, испуганно посмотрела на женщину. — Загорелый. Южанин. А глаза голубые-голубые! Краси...

— Откуда? Дагевар? Соланка? Треттини?

— Простите, госпожа. Я не знаю. Он на лаву был похож, но точно не лав. Те все низенькие.

У Бланки на мгновение опустились руки. Бесполезно. Все это бесполезно. Сложно добиться хоть какой-то информации от той, чей мозг проигрывает размерами муравью.

— Ладно. Ступай. Если что-то вспомнишь, сразу ко мне.

Та кивнула и поспешно убежала, даже дверь забыв закрыть.

Бланка повернулась к своему телохранителю и правой руке — Гренну. Он был из алагорцев, бледнокожий и уже немолодой. Но крепкий, как и весь этот народ. Серые глаза из-под покрасневших век смотрели на нее внимательно и спокойно в ожидании приказа. Гренна нашел Невек по просьбе ее отца, не желавшего, чтобы с дочерью что-то случилось во время долгих поездок по Варену.

Он был незаменимым помощником, и Бланка радовалась, что бывший воин сейчас с ней.

— Нет имени. Нет описания. Непонятно, зачем он приходил и что забрал. Мне не за что ухватиться. Что говорят на улицах?

— Никто не знает, по-очему убили вашего отца и братьев, госпо-ожа. — Гренн говорил, иногда растягивая слова, отчего многим казалось, что у него не все в порядке с головой. — Одни лишь слу-ухи, и каждый глупее предыдущего.

— И какой самый популярный?

— Шаутт при-ишел за вашей семьей.

Ее губы сжались. Бланка ненавидела сказки и дураков, которые в них верят. В детстве она тоже верила, боялась подходить к развалинам возле карьера, за городом, но Иан высмеял ее. Как все же давно это было. Теперь Иан мертв, упал с крыши из-за какого-то циркача. Он всегда был слишком безрассудным и много пил. Но ей было жаль его. И Рина. И даже Кельга, пускай она никогда и не любила старшего брата.

— Мог наемник справиться со всеми людьми отца? А с братом? Кельг был хорошим бойцом.

Гренн посмотрел на нее безучастно:

— Что я успел понять за го-оды службы на границе с Дагеваром, так это то, что всегда на-айдется кто-нибудь более хо-роший. Или хитрый. Или ловкий, госпо-ожа.

Она села в кресло и взяла украшенный позолотой хрусталь-ный фужер с водой:

— Отец умел подбирать себе людей. И Невек, и Давек, и все остальные были опытными воинами. Ты серьезно счита-ешь, что один человек мог справиться сразу со всеми?

— Все быва-ает, госпожа. Если он южанин, то по-одлых приемов в рукаве может быть спрятано достаточно. — Гренн был не лучшего мнения о людях, живущих на другой части ма-терика.

— Надо поговорить с Веонтами. Назначь встречу. — Блан-ка увидела недоверчивый взгляд телохранителя. — Оставь свое красноречие при себе. Я и так знаю, что ты скажешь.

— Ваш отец по-оручил мне оберегать вас, госпожа. Идти-и к его главному врагу... я не могу это-ого позволить.

Она осторожно поставила фужер на столик, встала, разгла-дила юбку, подошла к нему вплотную, заглянув в лицо, для че-го ей пришлось задрать голову. Сказала тихо, с угрозой:

— Не можешь позволить? Твоя верность моей семье дос-тойна похвалы. Но вот что я тебе скажу: выбор у тебя довольно простой. Или ты сделаешь, что я приказала, или придется тебе искать себе новую хозяйку.

Мгновенное колебание:

— Я понял, госпожа. Отпра-авлю сообщение пря-амо сей-час. Сколько людей пойдет вме-сте с нами?

— Только ты. — И, видя неодобрение, появившееся на его лице, сказала: — Не стоит показывать волкам кровь. Иначе они не смогут оставаться смиренными. Это в их природе.

Гренн первым спрыгнул с лошади, и его кольчуга, шпоры и оружие громко звякнули. Слишком громко, чтобы этого не за-метили те, кто встречал их.

Краснолицый, крепко сбитый парень, вооруженный ши-роким ножом, посмотрел на телохранителя с плохо скрывае-мой злобой, но с Бланкой оставался любезен. Холодно любе-зен, если быть точным. Ее не особо были рады видеть. Не-

удивительно. Эрбеты враждовали с Веонтами два поколения, и последние проиграли. А ее отец смог стать господином города.

Гренн шел позади, бросая взгляды в смежные залы. Сразу за ними двигались трое охранников Веонтов, бряцая оружием так громко, что заглушали звук своих шагов.

— Вашему слуге придется подождать за дверью, миледи. Хозяин хочет говорить с вами с глазу на глаз.

— Хорошо. Жди.

В глазах Гренна появилась обеспокоенность, но он не стал возражать при чужаках. Отошел к стене, положив руку на меч, так, чтобы видеть всех, кто находится в комнате.

Провожатый подозвал немолодую женщину в черном платье, сказав Бланке:

— Господин извиняется, миледи, но ей придется проверить, нет ли при вас оружия.

— Если мастер Веонт хочет оскорбить меня...

— Он не хочет, миледи.

— Тогда не тратьте мое время.

— Простите, миледи, но вынужден вам напомнить, что это вы искали встречи.

— Передайте вашему хозяину, что, если когда-нибудь он решит прийти ко мне в гости, я не заставлю своих слуг обыскивать его карманы в поисках ножа. Я не позволю, чтобы служанка обшаривала мои юбки.

Провожатый замешкался, холодно поклонился:

— Как миледи будет угодно. Я передам.

Он скрылся за дверью, но появился тотчас:

— Вы можете пройти, миледи.

Бланка довольно кивнула, показывая, что инцидент исчерпан, и прошла мимо стражи, мысленно улыбаясь. Трехгранный отравленный стилет, ножнами пристегнутый к ее голени, остался при ней. Она не собиралась использовать его, но считала, что у нее прав носить острую железку ничуть не меньше, чем у всех этих напыщенных индюков, что окружали ее.

Томас Веонт был ровесником ее отца, но выглядел не как старая развалина. Крепкий и подтянутый, словно лет на пят-

надцать моложе своего возраста. Холодные глаза следили за тем, как она идет к нему мимо чучел медведей и оленей, покрытое оспинами лицо ничего не выражало. Она видела, как опущены уголки его губ, и могла догадываться, что он испытывает на самом деле.

Тяжело встречать дочь своего врага.

— Миледи Бланка. — Мужчина не счел нужным встать, но указал ей на стул напротив стола. — Позвольте выразить вам свои соболезнования по поводу трагедии, случившейся в вашей семье.

— Спасибо. Отец всегда говорил, что вы слишком вежливы. — Она улыбнулась, сглаживая резкость свои слов. — Мы оба знаем, что, если бы у вас была возможность, вы с радостью сами бы забросали тела Эрбетов землей. И накатили на могилы самый тяжелый из камней.

Он посмотрел на нее все так же спокойно:

— Если честно, я бы этим не ограничился и на всякий случай забил в них по осиновому колу. Ваш отец был тем еще шауттом.

— Я восприму это лишь как комплимент моей крови.

— А я слышал, что вы самая разумная в своем роду. Возможно, слухи врут, раз вы пришли в мой дом лишь с одним человеком. Вы либо меня ни во что не ставите, либо слишком самонадеянны.

Бланка понимала, что от следующих ее слов может зависеть многое. Слишком многое.

— Моего отца больше нет. И братьев тоже. А я всего лишь слабая женщина и не вижу причин продолжать вражду.

— Продолжать? — Томас Веонт покачал головой. — Вы не видите причин. Вы просто не можете ее продолжать. Поэтому и пришли заключить перемирие.

— Это не так. Мне не нужно никакое перемирие. — Она увидела, как у него на лбу появилась складка. — Представьте себе, я последняя, кто думает о мире между нами. Плевать я на него хотела, если уж быть совсем честной. Мое имение и владения на другом конце страны. Я жила в землях, принадлежащих моему мужу. Этот город давно перестал меня интересовать. Поэтому я предлагаю его вам.

Томас рассмеялся:

— Очень любезно с вашей стороны, миледи, предлагать то, что и так уже мое. Вы потеряли право на него со смертью вашего отца.

— И все же Эрбетты пока им правят.

— Эрберты мертвы. И вы можете умереть так же быстро, как и ваши братья.

— Разве гость перестал быть священен и неприкосновенен? — мягко спросила она.

Это заставило Веонта опустить глаза. Бланка знала, что он человек старой закалки и соблюдает традиции. В камине за ее спиной сухо треснуло полено.

— Моя смерть не преподнесет вам город на блюдечке, мастер. И вы это прекрасно знаете, иначе бы не разговаривали со мной. — Молчание Веонта показало Бланке, что ее выводы верны. — Люди всегда тяжело меняют старое на новое. А на этих улицах слишком многое завязано на мою семью. Умру я, и вы знаете, что случится. Не только Веонты хотели бы править, Марки и даже Герты тоже мечтают быть первыми. Думаете, они отступят?

На лице ее собеседника проступило презрение:

— Эти мерзавцы проиграют большую войну.

— Конечно, — покладисто согласилась Бланка. — Проиграют. Лет через десять. А может, через пару поколений. Или вам повезет и все случится в течение года. Но вот крови прольется много. У вас двое сыновей, и лишь один из них может наследовать. Один. Слишком опасная цифра для кровопролитных стычек. Отец всегда говорил, что единственный сын ваш якорь, не дающий сорваться на авантюру. Одного ребенка терять гораздо сложнее, чем четверых.

— Смею заметить, что ваш отец потерял троих из четверых детей. А мои все еще живы.

Она наклонилась в его сторону, очаровательно улыбнувшись:

— Замечательно, что вы это видите, мастер Томас. Теперь представьте, как быстро можно потерять сына, если Марки начнут войну. К тому же не надо забывать, что стычки между благородными родами не проходят без следа не только для на-

рода, но и сильных мира сего. А герцог Нистер, хоть и предпочитает Весто нашей глухомани, может обратить взгляды на север, и если он вспомнит старое право и пришлет кого-то из своих племянников... — Бланка печально цокнула языком. — Неужели вы думаете, что сможете сопротивляться? Права уйдут короне. Она будет распоряжаться здесь напрямую, а не через подкупленных моим отцом управляющих в городском совете. Как вам такие аргументы?

— Весьма весомы. — Он откинулся на стуле, сложив руки на груди. — Доводы вы предъявлять можете, это неоспоримо. Значит, забудем о вашей смерти в моем доме. На время. Давайте пока поговорим о причине, заставившей ту, в ком течет кровь Эрбетов, прийти.

— Вы наняли людей, убивших моего отца? — резко спросила она.

Томас Веонт хмыкнул. Не зло. Скорее удивленно.

— Даже если бы это было так, вряд ли бы я признался, миледи. Ведь мы пока забыли о том, чтобы решить проблему вашей смертью. И если бы я стоял за гибелью ваших родичей и сказал вам об этом, мне пришлось бы... закончить дело.

Бланка понимающе улыбнулась.

— Отец всегда говорил, что вы осторожны. А еще то, что люди, которым вы платите, умеют слушать и запоминать.

Томас молчал, ожидая продолжения.

— Уверена, что такой человек, как вы, приложил усилия, чтобы узнать, что произошло в доме моего отца. Хотя бы для понимания ситуации и уверенности, что в следующий раз придут не за вами.

— Хотите узнать, кто за этим стоит, миледи?

— Очень хочу.

— Отчего бы не узнать самостоятельно?

— О. Это возможно. Но на это потребуется время. Много времени. Вдруг этот некто не из города? Тогда чем дольше я тяну, тем меньше шансов его найти.

Он опустил глаза, спросив с удивлением:

— Жаждете мести?

— А почему нет? Я дочь своего отца. Или считаете, что месть дело рук лишь мужчин?

— Я воспитан в старых правилах. Именно так я и считаю. Это дело мужчин.

Бланка встала и, шелестя юбкой, подошла к столу:

— Иногда судьба жестоко шутит с нами, и мужчины заканчиваются, мастер Томас. Остаются только слабые женщины. Так что? Вы скажете мне, что случилось в моем доме и кто за этим стоит?

— Сядьте, — попросил господин Веонт чуть более резко, чем это требовалось, и тут же добавил уже гораздо спокойнее: — Сядьте, миледи. Не люблю, когда дети врагов подходят слишком близко.

Она сделала то, о чем он просил, сложила руки на коленях, точно примерная девочка.

— Зачем мне вам помогать?

— Город. Отдам его вам на блюдечке.

Томас Веонт раздраженно прикрыл глаза.

— Опять мы возвращаемся к началу разговора.

— И опять я говорю, что город все еще под Эрбетами, а я наследница. Городской совет, купленные люди в страже, договоры с гильдиями, герцогские сборщики налогов, дно. Они привыкли работать с моей семьей. И, как я уже упоминала, если вы начнете свару с Марками, половина из этих замечательных, обладающих связями, влиянием, властью, деньгами и сталью людей уйдут к ним. Я же сделаю так, что они станут вашими. С потрохами.

— И я должен поверить женщине, которой не было в городе последние четыре года? Что вас послушаются?

— Отец умел дрессировать и вбивать верность. В девичестве я Эрбет. У меня осталась вся его переписка, все счета, вся информация о грязных делах. Меня будут слушать. Я передам власть. Вам.

Ее собеседник размышлял, и размышлял долго. Она его не торопила. Смотрела в окно, наблюдая за тем, как на улице падают снежинки. Бланка знала, что он согласится, пускай все еще сомневается в ее словах и ждет подвоха.

— Город богат. И вы так просто...

— Ради мести? Легко. — Ее лицо осталось спокойным. — К тому же вы получите город, но не мое наследство. И не забы-

вайте, кем был мой муж. Мне хватит денег на безбедную старость. А мир моего детства меня никогда не интересовал. Правильно им слишком непосильная задача для слабой женщины.

Ее собеседник криво улыбнулся, показывая этим, что не считает ее слабой и уверен, что уж она-то точно не ударила бы в грязь лицом.

— Есть одна загвоздка, миледи. Вас будут слушать. А вот меня вполне возможно, что и нет. Не старые друзья вашего отца. Я покупаю лишь половину свиньи.

Бланка почувствовала злость от того, что этот старый хрен все еще торгуется, хотя она отдает ему ключи вместе с замком, дверьми и подвалом, забитым сокровищами.

— Преемственность. Она послужит хорошим доказательством, что вы говорите вместо меня. Я передам вам все права моей семьи.

Она подумала, что отец, наверное, в гробу вращается, словно кабан на вертеле. Ну и ладно. Отправит ему в подарок его убийцу, пускай сорвет злость на нем.

— Брак? — Он смотрел на нее, не веря в то, что сам только что произнес. — Каким образом? Моя жена все еще жива.

От скромности он явно умирать не собирался. Бланка едва сдержала иронию:

— У вас есть сын.

— Гвет женат.

Бланка негромко рассмеялась:

— Я знаю. Но есть и второй.

— Мелин... — Он запнулся, не зная, как продолжить.

— Идиот, — жестко сказала она. — Да. Я знаю. Но в храмах Шестерых никого не смущает подобный факт. Если хочешь, можно выходить замуж и за дурака. Перед богами мы все равны.

— И вы сделаете это?

— Ваш вопрос странен. Я сама только что предложила.

Вновь пауза.

— И подтвердите брак?

— Вы о брачной ночи? Вот здесь я вас разочарую. Постель с вашим сыном не входит в мои планы. Но уверена, вы что-нибудь придумаете на этот счет. Служанок на вашей кухне

полно. А мальчик вряд ли поймет разницу. Так что? Вы согласны?

— Согласен, — сказал тот и протянул руку.

Бланка читала книгу на старом наречии, которое выучила еще в университете, когда пришло письмо. Его принес Гренн, все еще с недовольным выражением лица оттого, что она заключила такую невыгодную сделку. Женщина вскрыла конверт руками, неаккуратно разорвав его и отбросив в сторону, даже не посмотрев на печать. И так знала, от кого оно.

Быстро пробежала глазами по строчкам. Нахмурилась, затем прочитала еще раз. Уже гораздо медленнее.

Телохранилитель терпеливо ждал.

— Информации немного. Здесь описание человека, который, скорее всего, приходил в мой дом. Его запомнили слуги в трактире и видели на улице. Он уехал из города в тот же день. Действительно, южанин. Представился как господин Шрев. Он ни у кого не вызвал подозрений.

— Возможно, это не тот, кого вы ищите, миледи.

— Господин Веонт утверждает, что у него есть сведения, что Шрев тесно общался с Ночным Кланом.

Гренн присвистнул.

— Есть какие-нибудь до-оказательства?

— Нет. Видели, что он говорил с двумя людьми. Толстым мужчиной и черноволосой женщиной. А они, в свою очередь, общались с каторжниками с Малой улицы. Трактир «Моль». Отец всегда говорил, что это единственное заведение, которое не платит нам. Знаешь почему?

— Принадлежит Ночному Клану.

— Верно.

— Но это не связывает Шрева с ними.

— Может, да. Может, нет. В любом случае это лучше, чем ничего. Ниточка. Надо лишь потянуть.

— Очень осторожно, миледи.

— Твое беспокойство излишне. Я знаю, что внимание некоторых людей до поры до времени привлекать не стоит. Конюхи трактира, где останавливался этот человек, слышали

разговор. Он планировал направиться в Гранит. Ты ведь жил там?

— Да.

— И, насколько я помню, у тебя есть знакомые из Ночного Клана?

Грэнн неохотно кивнул. Бланка отбросила письмо.

— Одного не могу понять: зачем он убил мою семью? И как? Отец никогда не имел дел с людьми из Пубира и никогда не злил их. Во что он ввязался? Придется найти этого человека и узнать.

— А что потом?

— Я узнаю, чего он хочет, разрушу его мечту, а затем убью, — просто сказала Бланка. — Но сперва следует рассчитаться с долгами. Послезавтра у меня свадьба.

Глава вторая ВОЛЧЬИ ЗУБЫ

Законов чести среди старых семей Третьини, ведущих свой род еще с Эпохи Процветания, великое множество. Некоторые из них поражают своей вычурностью, необычностью и нелепостью. Впрочем, южанам можно простить многие странности. Когда надо, дерутся они как звери. Я бы настоятельно рекомендовал Вашей милости нанять их для своей гвардии.

*Из служебной записки
первого советника герцога Тараши*

Лавиани щурила холодные, бледно-голубые глаза и слушала, как воеет разгулявшийся ветер. Была середина дня, но из-за низкой облачности и сильного снегопада создавалось впечатление, что вот-вот должна наступить ночь. Не самое легкое время для тех, кому не повезло очутиться далеко от жилья в такую погоду.

Крупные снежные хлопья оседали на непокрытой голове сойки, новой теплой куртке, подбитой собачьим мехом, и нахмуренных бровях. Из-за разыгравшейся непогоды довольно близкие горы, которых еще вчера, казалось, можно было коснуться рукой, теперь превратились в сумрачных призраков. Мело изрядно, и она понимала, что это не конец. К вечеру вполне может начаться снежный буран.

Такое уже случилось два дня назад. Один полудурок отошел по нужде шагов на тридцать от трактира, а обнаружили его лишь на следующее утро — бедолага не смог найти обратную дорогу и замерз в сугробе.

Тупой недалекий осел. Идиотская смерть. В такую погоду многиедохнут точно мухи.

Лавиани беспокоилась о Тэо, который отсутствовал уже почти сутки. Она злилась на себя за это волнение, но ничего не

могла поделаться. За те месяцы, что они провели вместе, волей-неволей попрыгун стал ей гораздо ближе, чем многие другие знакомые. Впрочем, Шерон это тоже касалось.

Глупо привязываться к чужим людям, но с этим сойка ничего не могла поделаться. Она слишком долго жила одна и успела подзабыть — каково это: с кем-то быть заодно, ежедневно общаться и оказаться скованной цепью одной цели.

Пожалуй, ей это даже нравилось.

Иногда. В редкие минуты, когда эти дети не бесили ее своей безграничной наивностью и невероятным доверием ко всем попадающимся на пути людям.

Вспомнив об указывающей, сойка тяжело вздохнула, и ее пальцы сжались на шее все еще теплой курицы. Столь тощей, что на нее без слез не взглянешь — сплошные пестрые перья, под которыми лишь кости. Придется очень постараться, чтобы найти в ней хоть немного мяса.

Лавиани, навалившись всем телом, толкнула тяжеленную дверь трактира, и ее окутала густая волна тепла, запаха мясной похлебки и едкого, плохо сваренного пива. Сидевшие за столами постояльцы, застрявшие на этой стороне Мышиных гор, повернулись к ней, но, узнав, вновь занялись своими делами.

Точнее, бездельем, которое длилось уже не один день.

Отряхнув снег с плеч, сбив его с ботинок, сойка на ходу растегнула деревянные пуговицы куртки. Хозяину надо было отдать должное, топил он исправно, на дрова не скупился.

На тесной кухне, кроме трактирщика, никого не обнаружилось — его жена и дочь были заняты в зале, а он дул пиво из старой поцарапанной кружки и помешивал баранью похлебку, облизывая губы.

Заметив незваную гостью, человек возмутился:

— Эй! Женщина! Тебе сюда нельзя!

Она бросила курицу на стол, заваленный мелким луком:

— Я нашла то, что искала.

Мужик узнал свою собственность, и его лицо начало наливать краской.

— Совсем ошалела?! Кто разрешил тебе брать...

— Ты. — Сойка позволила себе холодную улыбку, и трактирщик поперхнулся от такой наглости. — Утром сам мне сказал — найдешь курицу, поговорим. Ну так я нашла. В твоём сарае.

— Убирайся! — рявкнул он. — Пошла вон из моего заведения! И свою подружку забирай! Ночуйте в сугробе!

Улыбку Лавиани как ветром сдуло. Она оказалась рядом, и ее стальные пальцы сжались на его плече прежде, чем тот понял, что происходит. Хозяин ахнул и скрючился от боли, встав едва ли не на четвереньки. Женщина склонилась над ним, не спеша ослаблять хватку, и негромко, обжигая дыханием, проворковала на ухо:

— Если я надавлю еще сильнее, то у тебя отнимутся ноги, жадная ты сволочь. Я бы предпочла этого не делать, потому что Скованный знает, на сколько дней застряла в дыре, которой ты владеешь. Но если ты не перестанешь грубить, клянусь всей тьмой нашего расколотого мира, я очень-очень-очень расстроюсь.

Человек простонал нечто непонятное.

— Я понимаю, что эта скелетина тебе дорога, но мне очень нужен бульон. И именно куриный. Поэтому принимайся за готовку и принеси его как можно скорее. Это понятно?

Вновь стон. Она позволила себе чуть разжать пальцы, но не настолько, чтобы он позвал на помощь или совершил еще какую-то глупость.

— За птицу заплачу. А если еще раз заикнешься о том, что вышвырнешь нас... Поверь, лучше тебе этого не делать. Ты даже не представляешь, сколько проблем можно огрести от такой мерзкой, ненормальной, сварливой бабы, как я.

Она положила перед его носом рен-марку, немного обрезанную по краям. Ей страшно не хотелось расставаться с монетой, но сейчас требовалось остаться здесь и избежать возможных неприятностей. Не из-за себя. Из-за Шерон. Забота о других никогда не была достоинством сойки, но теперь приходилось думать и об этом.

Трактирщик уставился на серебро, затем перевел взгляд на Лавиани.

— За птицу. И наше недопонимание. — Она сделала над собой усилие и улыбнулась, хотя ей больше всего хотелось су-нуть его головой в котел с кипящей похлебкой.

Сукин сын испортил ей настроение на целый день.

Тот, кряхтя, встал, забрал монету, попробовал на зуб. Серьезно кивнул:

— Забыли. Сказала бы сразу, была бы тебе курица.

Ей хватило выдержки не напомнить тупоумному кретину, что она изначально предложила плату, но тот не воспринял ее всерьез.

— Бульон, — еще раз повторила Лавиани. — А затем углей в жаровню в нашей комнате. Моя спутница приболела после долгих дней в пути.

— Все будет. Дай время.

Она села за стол, провела рукавом по столешнице, на которой остались крошки от чужой трапезы, прислушиваясь к разговорам. Среди застрявших на этой стороне перевала были всякие — несколько молодых людей, путешествующих в Алагорию, пожилой воин, трое торговцев и какие-то фермеры. Утром прибыл гонец, продравшись сюда через непогоду из городка, расположенного ниже по тракту. Сейчас он восседал на высоком, едва заметно покачивающемся стуле, черпал ложкой мясную похлебку и в перерывах пересказывал последние слухи, отловленные им за время пути.

— В Горном герцогстве беда. Слышали, наверное, уже? Нет? Двое старших сыновей его милости найдены мертвыми.

— Карифское отродье, — проворчал сидевший слева от Лавиани купец, судя по черной кудрявой бороде, дагеварец.

Рассказчик услышал его, повернулся с усмешкой:

— Твоя страна не любит карифцев, любезнейший. Вечно змеи не в ладах с грифами¹.

— Герцогу гор не стоило брать в жены внучку Стилета Пустыни, Палача Эль-Аса и Убийцы сотен жен².

— Пф! — фыркнул седовласый воин, положив мозолистые руки на стол. — Семьдесят лет прошло, а вы в Дагеваре все еще

¹ Символ герцогства Дагевар — змея, а герцогства Кариф — гриф.

² Речь о герцоге Эш-Тали, опытном воине, расширившем свои владения в результате шести войн.

вспоминаете ту войну. Сами полезли, сами получили по носу в Красных холмах¹. Карифский герцог вернул вам долг за сожжение приграничных городов, только и всего. Я бы не советовал называть герцогиню такими словами. Живущие в горах боготворят эту женщину. Окажись они здесь, то оттаскали бы тебя за бороду, не посмотрев на твой возраст.

Торговец нахмурился, но не стал спорить с кряжистым человеком, опоясанным мечом. Лишь поджал губы и отвернулся.

— Кто их убил? — спросил невысокий юноша, деливший маленькую комнату с шестью своими спутниками.

— Кто же знает, парень? — Гонец задумчиво облизал ложку. — Разное говорят. Кое-кто про заговор твердит. У благородных за этим не заржавеет. Режут они друг друга никак не меньше, чем простой люд. А герцог давно не в ладах со своим кузеном, который так и метит на Львиный трон. Кто-то о зимней стуже² шепчет, мол, вновь появилась эта болезнь. Такая дрянь и взрослого мужика убьет, не говоря уже о детях. А кто-то и вовсе небылицы рассказывает. Мол, появились в покоях герцога шаутты, перебили гвардейцев и челядь, а детей выпотрошили. Лишь младший сын уцелел — он с отцом был в охотничьем замке.

— А герцогиня? — спросила дочь хозяина постоянного двора, перестав убирать со стола посуду.

— Про нее ничего не слышал, милая.

Торговец прошептал себе в бороду, что хорошо было бы, если бы карифку прикончили демоны. Но никто, кроме Лавиани, этого не услышал.

— Шаутты! — фыркнул тощий мужик в стертых сапогах, сидевший возле камина. — Чего сразу не Скованный?

— Зря смеешься, — серьезно сказал ему купец-дагеварец, вновь влезший в разговор. — Эти твари существуют.

— Ну да. Конечно, — скривился тот.

¹ Битва в Красных холмах — сражение между Карифом и Дагеваром, в котором Эш-Гали отразил агрессию соседа и начал свое наступление, закончившееся резней в Эль-Асе.

² З и м н я я с т у ж а — одна из болезней, появившихся после Катаклизма. Обычно возникает в самые суровые морозы, в диких краях, уничтожая целые деревни.

Воин посмотрел на мужика мрачно:

— Если ты не встречал заблудившегося, это не значит, что его нет. Загляни на Летос, поймешь, отчего жители ночами сидят по домам. Второй раз за месяц я слышу о шаутгах. В Ириасте, говорят, они вырезали целую деревню. А на севере, на дорогах, видели мэлгов. Передовые отряды то и дело шастают по Накуну, в тысяче лиг от своих берлог.

— Мэлгов? Но ведь они много веков живут в Пустыни, — удивился юноша. — Рубеж незыблем.

— Рубеж незыблем лишь в твоих фантазиях, парень, — усмехнулся воин. — Граница растянута на сотни лиг. Отряды мэлгов порой проникают глубоко в наши земли. Просто здесь, на западе, об этом мало задумываются. Все заняты другими делами. Кого интересует, как живут люди за Туманным лесом?

— Темные времена наступают. Помяните мое слово, — проронил гонец.

— Не каркай, — одернул его торговец.

— Рад бы. Да только война не за горами.

Лавиани не стала больше слушать и, когда трактирщик поставил на стол горячий горшок, забрала у него прихватки и отнесла еду в комнату на первом этаже, пройдя через зал, а затем по более холодному коридору.

В маленькой комнатушке на две узких кровати было гораздо теплее — здесь в жаровне мерцали угли. Шерон, укрытая парой одеял, спала, отвернувшись к стене. Лавиани достала из сумки травы, собранные еще до наступления холодов. Растерла между ладоней сухие листья, вдыхая пряный, чуть горьковатый аромат.

Она знала, что это поможет, и высыпала лекарство в бульон. Затем растолкала Шерон. Лицо той блестело от пота.

— Прости, я заснула, — прошептала она.

— Сон лечит. Так что хорошо, что ты поспала, — ровным голосом ответила сойка и протянула ей миску с бульоном. — Ешь.

Девушка сглотнула, и ее лицо побелело еще больше, когда она почувствовала запах еды.

— Кажется, мне сейчас будет хуже.

— Тебе будет хуже, если ты не сделаешь так, как я прошу. — Теперь Лавиани говорила жестко. — Это лихорадка. Надо лечиться. Выглядишь ты ужасно. Если хозяин вдруг решит, что у тебя нечто вроде зимней стужи, то нас выбросят на улицу всем трактиром. Люди боятся болезней, появившихся после Катаклизма.

— Это не стужа.

— Разумеется. Зрачки у тебя не голубые, а волосы не побелели. Но люди со страху разбираться не станут. Сейчас важно прогнать лихорадку. Пока ты не встанешь на ноги, мы не можем двигаться дальше. А значит, к Тиону ты точно не приблизишься.

Девушка с отвращением посмотрела на еду, но спорить не стала. Неохотно съела все, что было, несколько раз прерываясь, закрывая глаза и чувствуя подступающую тошноту.

— Молодец. А теперь спи, — сказала сойка, забирая опустевшую миску.

— Тэо. Он вернулся? — спросила указывающая, падая на подушку.

— Спи, — ответили ей, мягко толкнули в плечо, и Шерон провалилась в тяжелый сон.

На улице все так же мело. Ветер выл на открытых пространствах, и от тракта осталось одно воспоминание. Лавиани бежала в снегоступах, низко надвинув на лицо капюшон, но все равно то и дело порывы хлестали ее по обветренным губам. Был уже вечер, не самое лучшее время для того, чтобы покидать теплый трактир, но отсутствие акробата тревожило ее. Парень нарушил все сроки, застрял шаутт непонятно где, хотя до соседнего городка, куда он отправился, был всего лишь час пути.

За время путешествия на восток они проехали два герцогства и оказались у склонов Мышиных гор к концу месяца Василиска, на пороге долгой зимы. Не самая лучшая пора для тех, кто все время в дороге, но им не приходилось выбирать. Зимовать на одном месте не планировали — времени на такую роскошь у них не было.

Она вновь подумала о Тэо. Отвар из цветов, собранных на Талорисе, помогал ему, метка той стороны теперь росла куда

медленнее, и его перестали мучить кошмары, но Лавиани видела, что болезнь никуда не делась. С каждым днем он шагал к тому, чтобы стать пустым.

И она врала даже себе о тех причинах, что заставили ее отправиться в дорогу со своими спутниками. Истинную и самую главную Лавиани знала, хотя и не желала о ней думать. Когда придет тот день и мальчик остановится на границе между светом и тьмой, ей надлежит быть рядом. Чтобы оборвать его жизнь, не дать циркачу превратиться в чудовище и причинить много бед.

Снег теперь падал сплошной стеной, деревья вдоль заporошенной дороги скрылись из виду, а где-то далеко-далеко раздавался волчий вой. Сойка ругнулась и ускорила темп.

Две темные фигуры, тяжело шедшие ей навстречу, она увидела неожиданно, едва не врезавшись в них. У людей на плечах лежали настоящие сугробы, а на ногах не было снегоступов, поэтому они то и дело проваливались в снег чуть ли не по колени. Было видно, что путники стараются не задерживаться, опередить ночь и дойти до жилья, пока не стемнело.

Ее голову привычно сдавил стальной обруч, а сознание обожгло волной ненависти.

— Шестеро тебя забори! — сказал ближайший к ней, и сойка узнала голос акробата. — Откуда ты здесь?

Чувствуя одновременно злость из-за того, что за эти часы успела отвыкнуть от его присутствия, но и облегчение, что с ним не случилось ничего страшного, она буркнула:

— Рыба полосатая. Шла искать твой окоченевший труп. Где ты застрял?

— Снег, — коротко ответил тот. — Надеялся, что распогодится. Но больше ждать не стал, и мы пошли.

Это «мы» заставило ее перевести взгляд на незнакомца. меховая шапка была низко надвинута на его лоб, а нижняя часть лица замотана серым шарфом. были видны лишь глаза — ярко-зеленые и смеющиеся, несмотря на не слишком приятную обстановку вокруг. Из-за плеча человека торчала рукоять полукороткого меча. Именно по оружию она узнала, кто перед ней.

— Фламинго.